

Борис Пастернак: «Во всем мне хочется дойти до самой сути»

И.Н. Сиземская

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Поэтическое наследие Б.Л. Пастернака в статье рассматривается в парадигме единства философии и художественного творчества как генетического кода отечественной культуры. Автор выделяет как доминанту творчества поэта «синкретизм исполнителя и исполненного», делая вывод, что его основанием является всеединство мысли и чувства, размышлений и настроения, метафор и художественных ассоциаций, поэтического языка и образно-символического ряда, принимающее каждый раз свои особенные, неповторимые формы. У такого эстетического полифонизма есть свой ценностно-смысловой стержень. У раннего Пастернака он утверждался под влиянием русского символизма, его истолкованием творчества как познания и познания как творчества, на идее о гармонии этих двух проявлений человеческого духа. С точки зрения автора статьи основанием этого поэтического кредо для поэта является признание жизни носительницей красоты и гармонии, ставшее той универсальной поэтической призмой, которая позволила ему увидеть в разорванном мире объединяющие людей общечеловеческие смыслы, сохранить «свое лицо поэта» вопреки всем напастям личной судьбы и трагическим событиям его времени.

Ключевые слова: философия, художественное творчество, художественный образ, философская лирика, русский символизм, метафизика единства, целостность жизни, красота, синкретизм исполнителя и исполненного.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

sizemskaya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

Для цитирования: Сиземская И.Н. Борис Пастернак: «Во всем мне хочется дойти до самой сути» // Философские науки. 2020. Т. 63. № 7. С. 9–20. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-9-20

Boris Pasternak: “In Everything I Want to Get to the Very Essence”

I.N. Sizemskaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article considers the poetic heritage of B.L. Pasternak in the paradigm of the unity of philosophy and literary creativity as a peculiarity of Russian culture. The author demonstrates that dominant feature of Pasternak's works is “syncretism of the picturer and the pictured” and argues that the basis of this syncretism is in the unity of thought and feeling, of reflection and mental mood, metaphors and artistic associations, poetic language and symbolic forms; and each time this unity takes its own special, unique forms. This aesthetic polyphonism has its own meaning and value basis. Early Pasternak was influenced by Russian symbolism, by its interpretation of creativity as knowledge and by the interpretation of knowledge as creativity as well as the idea of harmony between these two manifestations of human spirit. The author demonstrates that the foundation of this poetic credo is in the recognition of life as the medium of beauty and harmony, this credo allowed him to see universal meanings that unite people in a torn world, to save “his face as a poet” in spite of all the misfortunes of his personal fate and the tragic events of his time.

Keywords: philosophy, artistic creativity, artistic image, philosophical lyrics, Russian symbolism, metaphysics of unity, integrity of life, beauty, syncretism of the performer and the executed.

Irina N. Sizemskaya – D.Sc. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of Social Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

sizemskaya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

For citation: Sizemskaya I.N. (2020) Boris Pasternak: “In Everything I Want to Get to the Very Essence”. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 7, pp. 9–20.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-9-20

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.
Б.Л. Пастернак

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!..

Б.Л. Пастернак

Введение

В свое время И.А. Ильин разделил поэтов на тех, для кого слова есть просто условные знаки, и для кого они есть «знания, чудеса, магия», «духовные тела» предметов; эти поэты чеканят слова, как монету, выбивая на каждой свое лицо. Таким поэтом безусловно был Б.Л. Пастернак. На всем его поэтическом творчестве лежит печать его личности – мыслителя, поэта, человека нравственного долга. В его стихах была такая жизненная сила, что она сохраняла людей, живших в лагерном аду, людьми. В.Т. Шаламов после своего освобождения писал Пастернаку: «я знаю людей, которые живы, выжили благодаря Вашим стихам, благодаря тому ощущению мира, которое сообщалось Вашими стихами. ...Эти стихи читались как молитвы» [Поезд Шаламова... 2017, 92]. О том, как поэзия Пастернака помогла ему выжить, он написал в стихотворении, обращенном лично к поэту:

И каждый вечер в удивленье,
Что до сих пор еще живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.

И я шептал их, как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой.

Они единственной связью
С иною жизнью были там,
Где мир душил житейской грязью
И смерть ходила по пятам.

В. Шаламов. «Поэту»

Пастернак и поэзия символизма

Как поэт Б.Л. Пастернак начинал в яркое и удивительное время, заявившее о себе в литературе и поэзии русским символизмом (К.Д. Бальмонт, А. Белый, В.Я. Брюсов, А.А. Блок, М.А. Волошин, Вяч. Иванов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский), сложившимся не без влияния философии Вл. Соловьева и воспринимавшимся одновременно как художественное направление и как форма миропонимания, как особый способ постижения мира [Белый 2010, 57–122]. Главный интерес символизма сосредоточился на проблеме «творчество как познание и познание как творчество», на вопросах достижения гармонии этих двух проявлений человеческого духа. Образы-символы интерпретировались как формы воспроизведения мира и потому не имеющие самодовлеющего значения и ничем по существу не отличающиеся от приемов «вечного искусства». А. Белый в 1909 г. в «Эмблематике смысла» писал: «Символическое искусство, взятое со стороны идейного содержания, не является для нас в большинстве случаев новым» [Белый 2010, 57]. Новыми были стремление «создать новое отношение к действительности путем пересмотра серии забытых мирозерцаний» и попытка «осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур» [Белый 2010, 57]. Новизна современного искусства, согласно теории символизма, состоит «лишь в подавляющем количестве всего прошлого, разом всплывшего перед нами; мы переживаем ныне в искусстве все века и все нации; прошлая жизнь проносится мимо нас» [Белый 2010, 119]. Символизм раздвинул рамки существовавших представлений о художественном творчестве и его метафизических принципах, показал, что канон красоты не исчерпывается его академическими представлениями, что ее эстетический смысл в целостном художественном образе, который не разложим ни эмоционально, ни в дискурсивных понятиях. Сама теория символизма определялась как «метафизика единства», основанием которой является «трехсмысленный смысл» символа: 1) как образ видимости, 2) как аллегория, выражающая идейный смысл образа, 3) как призыв к творчеству. И только в таком всеединстве символический образ обретает

свою творческую, жизненную силу. Появление символизма было связано с попытками средствами искусства найти связь между человеком, думающим, понимающим, чувствующим, и областью смыслов, скрытой от его повседневного существования, с желанием открыть мир этих смыслов, включить его в *осмысленную реальность как ее «открывателя»*. Эту роль, согласно теории символизма, выполняет акт символизации, *сравненный* по своим интенциям философским, религиозным и научным интуициям. В рамках такого понимания в искусстве отрицалась какая-либо цель, кроме общей для всех видов творчества – сделать человека *сотворцом* реальности, в которой он живет. Но искусство достигает этой цели особыми средствами (художественный образ, магия слова, эффект рифмы), и особая, исключительная сила их воздействия на человека позволяет ему реализовать эту цель лучше и яснее других [Белый 2010, 153–176].

Идеи символизма, его время были настолько притягательны, что, как писал позже Пастернак в автобиографической повести «Охранная грамота», не войти в него было невозможно, а войдя в него, остаться равнодушным было невыносимо. Из этого времени он вынес для себя в качестве главного принципа поэтического творчества – не исказить «голоса жизни», звучащего в нем самом, ни при каких обстоятельствах. Пройдя нелегкий и длинный путь поэта двух исторических эпох, он, начиная с раннего сборника стихов «Сестра моя – жизнь» (1912), посвященного М.Ю. Лермонтову, кончая последним «Когда разгуляется» (1959), сохранил верность принятому в молодости завету, доказав своим творчеством, что всегда, при всех жизненных обстоятельствах он следовал этому принципу. В стихотворении «Все наклоненья и залогии...» он скажет об этом твердо и ясно:

Казалось альфой и омегой –
Мы с жизнью на один покров;
И круглый год, в снегу, без снега,
Она жила, как alter ego,
И я назвал ее сестрой.
«Все наклоненья и залогии...»

Художественный образ

как духовный символ жизненного бытия

Из этого же времени, отдав дань символизму (а чуть позже футуризму и новаторским поискам в стихосложении В.В. Маяковского), поэт вынес и другое кредо, определившее художественный стиль и общечеловеческие смыслы его творчества. «Искусство реалистично как деятельность и символично как факт. Оно реалистично тем, что не само выдумало метафору, а нашло ее в природе и свято воспроизвело», – так сформулирует он его в «Охранной грамоте» [Пастернак 1989, 40]. Свои метафоры, образы, палитру красок и музыку созвучий поэт находил в окружающем его мире, в природе. Можно сказать, что в его поэзии за него начинает говорить найденный им образ, *символ*, который и становится ее фактом. При этом перенесенный смысл так же ничего не значит сам по себе, т.е. в отдельности от общего духа искусства, как не значат ничего порознь части смещенной действительности. В этом синкретизме реализма и символизма Пастернак видел основу того художественного мастерства (тождества художника и живописной стихии), когда невозможно сказать, кто и в чью пользу проявляет себя более деятельно – «исполнитель, исполненное или предмет исполнения» [Пастернак 1989, 58]. Именно такое тождество и рождает каждый раз чудо художественного шедевра. (Не трудно заметить созвучие этих рассуждений поэта с «трехсмысленной» формулой символизма, о которой шла речь выше.) У Пастернака это чудо ярче всего являет себя в стихотворениях о природе, в созданных им картинах ее разнообразных состояний как духовных символах жизненного бытия. Вот один из примеров этого:

Пронесшейся грозой полон воздух.
Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.
<...>
Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.
«После грозы»

Пантеизм, «очеловечивание» разнообразных явлений и состояний природного мира свойственно всей лирике Пастернака, в этом он созвучен Тютчеву и Фету. Его картины природы («Осень», «Август», «Бабье лето», «Весенняя распутица», «Март», «Весна в лесу», «Приближение грозы», «Лето», «После дождя», «Зимняя ночь», «Тишина», «Снег идет») всегда полны глубоких размышлений – о жизни, о смыслах человеческого существования, о быстротечности времени, о любви. Образность его стихов, магия включенных в них ассоциаций удивительным образом способны передать слитность чувства и мысли, мысли и настроения, состояния ума и души. Яркие поэтические образы («пожарища закаты», «осень, вопившая выпью», «Кавказ как смятая постель», «тени вечера волоса тоньше», «заря как выстрел в темноту»), неожиданные метафоры («осенний лес заволосатил», «в заплатанном салопе сходит наземь небосвод», «ливень въезжает в кассеты отстроившейся красоты»), свободные ассоциации («вечер пуст как прерванный рассказ», «тучи играют в горелки», «весною слышен шорох снов») сменяют друг друга, придавая стихам экспрессивность, чувственную напряженность, ожидания чуда. Они вводят в сознание понимание, что жизнь человека – это «только миг, только растворенье нас самих во всех других как бы им в даренье». В этой эмоциональной окрашенности образ Мгновения несет в поэзии Пастернака свою особую нагрузку. Обращение к нему заставляет увидеть и оценить то, что «прячется» в текучести обыденных жизненных ситуаций, поверить, что и «через дорогу нельзя перейти не топча мироздания». Именно символизация мгновения позволила поэту, как он желал, во всем дойти «до самой сути»:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.
«Во всем мне хочется дойти...»

В суть бытия поэт смог вложить красоту роз, свежесть цветущей сирени, таинственность оврага с цветущими ландышами, тоску увядающего осеннего леса, угрожающую тревогу раскатов грозы и ненастья, как некогда, по его признанию, Шопен «вложил живое чудо фольварков, парков, рощ, могил в свои этюды». Музыкант, художник и поэт всегда жили в душе Пастернака, не мешая друг другу, их союз придал особую эмоциональную тональность и философскую глубину его поэзии. Эта особенность его поэзии сегодня все чаще привлекает внимание исследователей [Сергеева-Клятис 2015; Брюханова 2013; Брюханова 2010; Молчанова 2010; Быков 2005; Романова 2003; Лихачев 1989]. Она влечет к себе каждое новое поколение, чувствующее в ней созвучие своему времени, своим тревогам, надеждам и ожиданиям. Особенно отличаются этой эмоциональной насыщенностью последние стихотворения Пастернака, собранные им в цикл «Когда разгуляется». Они звучат одновременно как исповедь-завещание, проникнутая глубокой верой, что «силу подлости и злобы одолеет дух добра», и как горький вопрос:

Зачем отмерены так куцо
Дерзання наши и мечты,
И не дано нам развернуться
От сил и сердца полноты.
(Незавершенное последнее стихотворение)

В этом сочетании надежды и горечи, отражающем двойственность не только личных переживаний самого поэта, но и переходное («пограничное») состояние его времени, есть удивительное созвучие сегодняшним настроениям и мироощущению человека, рождаемым вызовами, брошенными человечеству неопределенностью и мозаичностью его сегодняшнего социального и духовно-нравственного бытия; созвучие поставленной

временем задаче понять мир в его противоречивом единстве и сложности. Поиски поэтом гармонизирующего начала в природе, в мире, в отношениях между людьми, в самом себе, в любви – были общим (объединяющим) смысловым основанием его поэтического творчества и отношения к жизни. Сегодня эти поиски и предложенная поэтом философско-поэтическая оптика видения мира востребованы и художественным творчеством, и философской мыслью, и жизненными устремлениями человечества. Духовно-ценностному релятивизму, раздробленности действительности на исключаяющие ситуации (социальные, политические, экономические, культурные) поэзия Б.Л. Пастернака отвечает утверждением всеобъемлющей ценности жизни и творчества как жизненного порыва, свободы самоотдачи человека во имя сохранения в ней добра, гармонии и красоты, как силы, преодолевающей временные границы индивидуального существования и конкретных жизненных форм.

Заключение

Осуществленный анализ поэтического наследия Б.Л. Пастернака, посвященный знаковой дате жизни и творчества поэта, позволяет сделать следующие выводы.

1. Поэзия Б.Л. Пастернака – это философско-художественное осмысление человеческого существования во всех его повседневных и исторических проявлениях, в неразрывном единстве с природой и ее разнообразными состояниями. На всем его поэтическом творчестве лежит печать художника и мыслителя, человека, познающего мир и видящего в нем красоту и гармонию как его основание.

2. Сопряжение познавательного и эстетического принципов мировосприятия в поэтическом творчестве Б.Л. Пастернака выражает общечеловеческий способ постижения бытия, достигаемый соединением понятийного и образного, рационального и эмоционального восприятия реальности. Его поэзия несет в себе эти два модуса отношения человека к миру, превращая общеизвестные явления в символы глубоких откровений, наполненные личными интуициями поэта. Обладавший особым

поэтическим даром, он в совершенстве владел двумя силами художественного творчества – «силой духовно-созерцающей и силой верно воображающей и изображающей», как их называл И.А. Ильин [Поэзия как жанр... 2007, 176].

3. Это определило тот синкретизм реализма и символизма его поэзии, при котором искусство является реалистичным как деятельность и символичным как факт. Свои метафоры, образы, палитру красок и музыку созвучий поэт находил в окружающем его мире и в природе, внося, «пряча», по его признанию, в них *свои* смыслы. Можно сказать, что в его поэзии за него говорит найденный им образ, символ, но говорит понятным каждому языком его собственных переживаний и настроений. В этом достигаемом единении реализма и символизма Пастернак не знал себе равных, добиваясь того согласия между ними, при котором «исполнитель, исполненное и предмет исполнения» вступают в диалог друг с другом и с тем, кто включается в него на правах собеседника.

4. Свое поэтическое кредо, которому поэт следовал всю жизнь, он сформулировал предельно ясно:

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех,
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

.....
И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

«Быть знаменитым некрасиво...»

В верности этому принципу он черпал силы для творчества и для противостояния злу во всех его жизненных проявлениях – скрытых и явных, осуждаемых и принимаемых, откровенно порочных и маскируемых под добродетельные.

Поэтическое наследие Б.Л. Пастернака, бесспорно, еще долгое время будет не только иметь своих почитателей в среде любителей поэзии, но оставаться предметом исследователь-

ского интереса философов, литературоведов, культурологов, психологов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белый 2010 – *Белый А.* Символизм. Книга статей / общ. ред. В.М. Пискунова. – М.: Культурная революция; Республика, 2010.

Брюханова 2010 – *Брюханова Ю.М.* Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010.

Брюханова 2013 – *Брюханова Ю.М.* Концепция красоты в художественно-философской системе Бориса Пастернака // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 2. С. 141–148.

Быков 2005 – *Быков Д.Л.* Борис Пастернак. – М.: Молодая Гвардия, 2005.

Лихачев 1989 – *Лихачев Д.С.* Борис Леонидович Пастернак // *Пастернак Б.Л.* Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1989. С. 5–44.

Молчанова 2010 – *Молчанова А.В.* Художественная концепция красоты в творчестве Б. Пастернака: дисс. на соискание уч. степени канд. филолог. наук. – Казань, 2010.

Пастернак 1989 – *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота. – М.: Современник, 1989.

Поезд Шаламова... 2017 – *Поезд Шаламова.* Проблемы российского самопознания / отв. ред. С.А. Никольский. – М.: Голос, 2017.

Поэзия как жанр... 2007 – *Поэзия как жанр русской философии.* Антология / сост. доктор фил. наук И.Н. Сиземская. – М.: ИФ РАН, 2007.

Романова 2003 – *Романова И.В.* «Существования ткань сквозная»: идея и образ единства в творчестве Пастернака // *Филологические науки*. 2003. № 5. С. 3–14.

Сергеева-Клятис 2015 – *Сергеева-Клятис А.Ю.* Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2015.

REFERENCES

Bely A. (2010) *Symbolism. Book of Articles* (V.M. Piskunov, Ed.). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika (in Russian).

Bryukhanova Yu.M. (2010) *Creativity of Boris Pasternak as an Artistic Version of the Philosophy of Life*. Irkutsk: Irkutsk State University Press (in Russian).

Bryukhanova Yu.M. (2013) The Concept of Beauty in the Artistic and Philosophical System of Boris Pasternak. *Siberian Journal of Philology*. No. 2, pp. 141–148 (in Russian).

Bykov D.L. (2005) *Boris Pasternak*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Likhachev D.S. (1989) Boris Leonidovich Pasternak. In: Pasternak B.L. *Collected Works in 5 Vols.* (Vol. 1, pp. 5–44). Moscow: Molodaya Gvardia. (in Russian).

Molchanova A.V. (2010) *The Artistic Concept of Beauty in the Works of B. Pasternak*. Kazan: Kazan Federal University (in Russian).

Nikolsky S.A. (Ed.) (2017) *Shalamov's Train. Problems of Russian Self-Knowledge*. Moscow: Golos (in Russian).

Pasternak B.L. (1989) *Safe Conduct.. Chopin*. Moscow: Sovremennik (in Russian).

Romanova I.V. (2003) “Existing through Fabric”: The Idea and Image of Unity in the Work of Pasternak. *Filologicheskiye nauki*. No. 5. P. 3–14 (in Russian).

Sergeyeva-Klyatis A.Yu. (2015) *Pasternak*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).